

— Я так и знал... Неудивительно, что ты так сильно похудел, оказывается, случилась беда. Где у тебя ранение, это серьезно? Брат Кай, я... я такой подлец, ха-ха... Как я мог тогда уйти? Если бы только я остался рядом с тобой! Ты чуть не погиб, а я даже не знал, я понятия не имел!

«Брат Кай, я не знал, я даже не догадывался».

Тогда, продав квартиру, он отдал все деньги студии звукозаписи. Цзи Кай вспомнил, что в тот день тоже шёл дождь, из-за чего разворачивающаяся перед ним сцена казалась почти точной копией того, что уже происходило раньше.

Тогдашний Чжу Лин всё ещё носил дешёвые вещи из стока и выглядел куда более деревенским, чем сейчас. Он утирался рукавом с таким видом, будто застыл между слезами и смехом, но Цзи Каю в тот миг показалось: да плевать на проданный дом и машину, даже если ради этого парня придётся спустить всё до нитки и разрушить оставшуюся жизнь — это не имеет абсолютно никакого значения.

А если вернуться в настоящее... это была величайшая печаль. Потому что разум взял верх и принялся с суровой холодностью наблюдать со стороны.

И что же он пытался понять? Он изо всех сил пытался определить, не является ли всё происходящее очередной виртуозной актерской игрой новоиспеченного киноактера.

Человек, в котором он раньше не усомнился бы, даже если бы на пороге появился любовник третьей стороны, теперь не имел в его глазах ни единого грамма доверия.

Быстро осознав это, профессор Цзи слегка потемнел взглядом. Сохраняя созданный образ сурового, хладнокровного человека, который радуется новому и не проявляет сочувствия к старому, он беспечно усмехнулся.

— Ничего страшного. В то время со мной всё равно кое-кто был, за мной ухаживали.

Видя, как Чжу Лин корчится от боли, словно от удара в самое сердце, Цзи Кай чувствовал бессилие, но с этим ничего нельзя было поделать.

Спектакль это или нет, искренен ты или притворяешься — всё это больше не имело никакого значения.

Слишком поздно, Чжу Лин. Всё уже слишком поздно.

...

Дождь продолжал лить, ещё сильнее, чем прежде, но в теле не было ни капли холода.

В последнее время так происходило всегда: стоит только вспомнить об одном человеке, как вся грудь наполняется обжигающим теплом. Маленькое сердце внутри без остановки бьётся и бьётся, и Цзи Кай прекрасно знал, ради кого оно так пылает и трепещет.

Переведя взгляд на человека, съёжившегося под холодным дождём, он ненадолго прикрыл глаза.

— ...Чжу Лин. Извини, но больше не приходи ко мне. Я полюбил другого и не хочу, чтобы он что-то не так понял. Правда.

Абсолютная правда.

«То, как он смотрит на меня, заставляет отдавать всю нежность лишь ему одному — всю нежность, включая ту, что раньше предназначалась тебе. А это "извини"... пусть станет последней проявленной нежностью к человеку, которого я когда-то любил».

— Между нами двумя всё кончено. Мы больше никогда не будем вместе.

Даже если бы не было Ли Вэйду, между ними всё равно ничего и никогда больше бы не было.

...

У Цзи Кая не было амнезии, и он не забыл ничего из прошлого.

Начиная с того звонка в дверь и заканчивая ножом, всажённым в обеденный стол... В первый раз, когда Чжу Лин оправдывался и твердил, что это недоразумение, Цзи Кай поверил. Во второй раз тот разыграл карту родственных чувств с помощью ребёнка — хорошо, он тоже не стал допытываться. Но в третий раз, той ненастной дождливой ночью, всё окончательно рухнуло.

Вывертанный из книги листок бумаги и написанные на нём слова: «Разбитое остаётся разбитым. Я предпочитаю помнить вещь в её лучшие времена, чем всю жизнь смотреть на трещины» — были не просто красивой фразой.

Разумеется, он мог бы снова поднять прошлое и раз за разом перечислять все проступки Чжу Лина.

Даже самые ядовитые насмешки, пожалуй, не сравнились бы по жестокости с теми ранящими словами, что Чжу Лин произносил в свои самые неблагодарные и бессердечные моменты.

Но питать такую глубокую обиду и жаждать отплатить той же монетой он искренне не хотел.

«Жизнь коротка. У каждого бывают моменты сожаления, обиды и досады, но время вспять не повернуть».

«Остаётся лишь принять реальность и двигаться вперёд».

В детстве сосед Чжоу Иань часто сидел так с сигаретой в зубах, постукивая инструментами по дереву. В тот день Цзи Кай увидел, как тот взял донышко от разбитой пивной бутылки и обрабатывал его на шлифовальном станке.

— Дядя, а что ты делаешь?

«Делаю стеклянный шарик для вас. Видишь, такой колющий осколок бутылки после долгой шлифовки становится красивым, гладким шариком, который так приятно держать в руках. С жизнью всё точно так же».

Тогда, будучи совсем маленьким, он принял готовый стеклянный шарик из рук Чжоу Ианя, смутно разглядывая на солнце его яркий блеск, и совсем не понимал, какое отношение всё это имеет к «жизни».

Зато теперь он наконец кое-что начал понимать.

В те годы, когда они спотыкались на каждом шагу, Чжу Лин действительно совершал ошибки, да и сам Цзи Кай не был идеален.

Все те дни, полные разочарований и борьбы, в каком-то смысле сгладили его собственные острые углы. Это было больно, но принесло пользу: по крайней мере, встретив позже одного невероятно ранимого человека, он научился беречь его и ценить.

...

Дождь становился всё сильнее, и на растерянном лице Чжу Лина уже невозможно было отличить капли воды от слёз.

Он опустил голову и утёрся рукавом, будто всхлипывая и одновременно горько усмехаясь, и пробормотал:

— Больше невозможно... Да, всё кончено. Всё из-за меня, во всём моя вина.

— Нам ведь раньше было так хорошо, мы были счастливы вместе, как семья... Но я всё испортил. Брат Кай, скажи, почему я такой? Вечно делаю глупости, вечно ничего не понимаю и только причиняю боль людям вокруг...

— ...

— Как было бы хорошо, если бы я тогда не уехал в Южную Америку...

— Если бы я мог, как Ли Вэйду, остаться рядом с тобой в твой самый тяжёлый момент... Если бы я тогда не отходил от тебя, возможно, всё ещё можно было бы спасти!

— Нет... Что толку говорить об этом сейчас.

— Я знаю, всё знаю. Брат Кай, мне... мне, наверное, пора уходить.

Говоря это, он покачулся, но внезапно развернулся и подскочил к Цзи Каю. Он не посмел схватить его за воротник, лишь стоял, опустив голову, и сбивчиво тараторил:

— Брат Кай, я... я не специально говорю плохо о Ли Вэйду, на этот раз правда... Дело не в зависти, честное слово.

— Просто если бы ты был с кем-то другим, я был бы спокоен. С Цзян Сяобаем или Цзо Янем, да хоть с Ци Яном — Ци Ян, если честно, не так уж и плох. Правда! Но Ли Вэйду... у него правда проблемы с головой, я переживаю за тебя! Вдруг он тебе навредит...

— Он меня не обидит, — ответил Цзи Кай.

— Нет, брат Кай, ты не понимаешь, у него правда не всё в порядке с психикой, он...

— Он не больной! Чжу Лин, я люблю его, и для меня он — лучший человек в этом мире. Если ты продолжишь говорить о нём в таком тоне, не обижайся, если я перестану церемониться!

— Хорошо, хорошо... — Чжу Лин горько усмехнулся и кивнул. — Брат Кай, тогда... если вдруг настанет день, когда он перестанет быть для тебя хорошим, приди ко мне. Я... я всегда буду...

— Ты помнишь то кольцо, которое подарил Е Инь? — перебил его Цзи Кай.

Чжу Лин вздрогнул, его лицо смертельно побледнело. Не понимая, почему тот вдруг заговорил об этом, он поспешно начал оправдываться:

— Я потом вернул его! Брат Кай, с этим кольцом всё вовсе не так, как ты думаешь...

— FOREVER... «Навсегда». Это очень тяжёлая клятва.

— Позже я долго размышлял: существует ли в этом мире так называемое «навсегда»?

— Да... — губы Чжу Лина задрожали, но он тут же поправился: — Н-нет!

— А я думаю, что существует.

— Например, мы с тобой «навсегда» больше не будем вместе.

— ...

— Не надо снова плакать. Я говорю это не для того, чтобы задеть тебя. Просто хочу, чтобы отныне ты смотрел правде в глаза и не питал на мой счёт никаких надежд.

— Посмотри на это с хорошей стороны. Я ведь самый обычный человек, без каких-то особых талантов. С твоими данными ты наверняка сможешь найти кого-то лучше меня. Нужно только приложить искреннее сердце.

— Как я и сказал тебе в самый первый раз, когда мы расставались: Чжу Лин, я хочу, чтобы у тебя в будущем всё было хорошо. Возвращайся домой, прими горячий душ и ложись спать. А завтра проснёшься и, может быть, прямо у порога встретишь кого-то получше меня.

— Когда ты найдёшь настоящее счастье, я искренне порадуюсь за тебя.

Сменив в кабинете промокшую одежду, Цзи Кай подумал, что только что сыграл роль дурака, решившего повыпендриваться на свою голову.

Стоять так долго под дождём и вести бессмысленные разговоры — оно того стоило?

Чёрт, в телефон попала вода, и экран потемнел!

Если Вэйду напишет сообщение, а он не сможет его прочесть, тот начнёт тревожиться и накручивать себя... Что тогда делать?

К счастью, в кабинете нашёлся фен. Профессор Цзи, направляя на телефон жужжащую струю воздуха, мысленно молился, чтобы президент сегодня задерживался на работе и не ждал от него весточки.

Иначе греха не оберёшься.

<http://bllate.org/book/18382/1767893>